

Чхон Мён возмущенно заговорил.

- Такие гуманные речи, но в конце концов, все сводится к тому, что гору Хуа просят склонить голову и ходить под Шаолинь.

- ...

Лицо Аббата напряглось.

Слова были настолько смелыми, что он не мог скрыть шока на лице. Отбросив все остальное, он был лишь учеником третьего поколения из секты, что потеряла свое могущество, а он смеет говорить ему такое в лицо.

- В Шаолинь ничего не изменилось.

- ... о чем ты?

Вместо ответа на вопрос Настоятеля Чхон Мён улыбнулся.

Единство? Сплоченность?

Ну, звучит конечно, прекрасно.

Чхон Мён понимал, что предложение было сделано с благими намерениями, но они настолько эгоистичны и верят в свою благодатность, желая, чтобы гора Хуа склонилась перед ними головой, что вовсе не видят в этом проблемы.

«Эти ублюдки думают, что они единственные, кто достоин вести остальных».

Будучи Шаолинь, вполне естественно, что они так высокомерны.

- Если больше нечего сказать, возвращайтесь.

Глаза Настоятеля потемнели.

- Амиабха. Я пришел сюда как гость, поэтому пытался выслушать тебя, но такие речи не подобают молвить ученику третьего поколения. И пока я разговариваю с главой секты...

- Это не так.

Хён Чжон прервал Настоятеля.

Аббат испуганно взглянул на него. Хён Чжон улыбнулся спокойно, совсем не так, как раньше.

- Любой, кто принадлежит к горе Хуа, может представлять гору Хуа. Воля этого ребенка — моя воля, а также воля горы Хуа.

- ...лидер секты.

Настоятель на мгновение потерял дар речи, а Чхон Мён продолжил говорить ледяным тоном.

- Шаолинь всегда лидировал. Пятьдесят лет назад или даже сотню лет назад.

Когда он сказал «сто лет назад», Аббат нахмурился сильнее.

- Итак, что сделал Шаолинь, когда гора Хуа рухнула? Разве Шаолинь не должен быть благодарен за действия горы Хуа сто лет назад?

- ... Амиабха.

- Очнитесь.

Тяжелая энергия окутала Чхон Мёна.

- О гармонии и единстве могут говорить лишь те, кто в состоянии выполнить свой долг и показать свою искренность. И Шаолинь не один из них.

- Юный ученик!

- То, что Настоятель пытается провернуть, это не добиться гармонии в мире, а показать всем какая миролюбивая, сильная секта и как непоколебима позиция Шаолинь. Что ж, это неплохо. Как настоятель Шаолиня, вы обязаны стремиться к этому. Но.

Чхон Мён посмотрел прямо на монаха.

- Меня не интересует единство, исходящее из ваших уст так просто. Если говорите о нем так легкомысленно, то вполне способны использовать и выбросить партнера, что был так предан делу.

Краски сошли с лица Аббата.

- Означает ли это, что Гора Хуа не заботится о мире?

- Именно.

- ... как...

- Горе Хуа пожертвовала всем ради мира, но чем ответил ей мир?

- ...

- Теперь вы, должно быть, подумали, что, если набросаете красивых слов и мягко выстелете, мы будем вилять хвостом, как преданная псина... Должен сказать, вы были слишком наивны.

- Ты знаешь, что происходит с теми, кто не подчиняется Девяти Великим Сектам?

- На них нападают.

Чхон Мён улыбнулся.

- Ну и что? Когда Гора Хуа унизила секту Южного края, кто-нибудь из вас пытался им помочь?

- Тогда совсем...

- Запомните хорошенько.

Он понизил голос и зазвучал еще тверже.

- Когда гора Хуа рухнула, Девять Великих Сект ничем не помогли. Когда гора Хуа восстанавливала свою силу, вы ничем не помогли. Поэтому, когда гора Хуа будет реветь над

миром, тогда в вашей помощи не будет нужды.

- ...

- Если вы думаете, что звание Девяти Великих Сект что-то значит для горы Хуа, вы ошибаетесь. Гора Хуа есть гора Хуа! И этого достаточно.

Его холодность давила на Аббата.

«Чертовы собаки».

Сколько раз он слышал их слова?

«Гора Хуа хороша, поэтому люди смогли продержаться».

«Там была гора Хуа, что спасла жизни многих людей!»

Дух.

Верно, их воля.

Что случилось с горой Хуа из-за ее чертовой воли?

Пока его сахёны и саджаи умирали от рук демонических ублюдков, эти псы спрятались за воротами своих сект и всю строили планы на будущее.

Сто лет спустя Шаолинь все еще был Шаолинем, и Девять Великих Сект остались прежними, но гора Хуа рухнула и постепенно растворялась в далекой памяти.

И ради чего все?

Вы захотели единства?

Руки Чхон Мён дрожали.

Ему хотелось подбежать к Настоятелю и оторвать ему голову прямо сейчас.

Сто лет спустя они все еще верили, что могут владеть горой Хуа, как мечом?

В прошлом, несмотря на понимание, что их используют, они страдали добровольно.

Канхо грозило падение.

Даже если жертва будет огромной, даже если им придется понести огромный урон, все они думали, что лучше так, чем быть под властью Демонической секты.-Я не хочу знать. Просто делай то, что считаешь нужным, Чхон Мён. Конечно, наша победа важна. Но если ты будешь отвлекаться на эти интересы и интриги, пренебрегая тем, что необходимо сделать, сможешь ли ты смотреть в глаза ученикам?

«Сахён, ты ошибся».

Впоследствии гора Хуа не смела поднять головы перед своими учениками. А все те лицемеры сейчас жили припеваючи.

А на что была надежда?

Широкая сеть небес не допустит страданий храбрецов.

Какой все-таки бред.

Небеса никому не помогли. Люди, отдавшие все, испытывали лишь тяготы, а грешники, что нуждались в наказании, получили помощь.

Чхон Мён не станет ждать возмездия.

Если кто-то согрешил против горы Хуа, он накажет его самостоятельно, а если оказали благо горе Хуа, он тем же и оплатит.

Если Небеса не в состоянии, он сам их покарает.

Так Чхон Мён защищал гору Хуа.

- Ты знаешь, как будут восприняты твои слова, юный ученик?

- Вы мне угрожаете?

Аббат глубоко вздохнул.

- Вы притесняете и отвергаете тех, кто приходит с добрыми намерениями, не так ли?

- Добрые намерения?

Чхон Мён улыбнулся.

- Настоятель.

- ...

Голос Чхон Мёна загрохотал.

- Прежде чем обсуждать благие ли ваши намерения, для начала вы хоть извинились бы, а потом уже делали свое предложение.

- ...

- Конечно, может звучать несправедливо. Не во всем же вина Настоятеля. Однако совершенная несправедливость, теперь лежит на ваших плечах, так как именно вы возглавляете Шаолинь. Вот значит какая идеология у Шаолинь, наслаждаться будущим, за которое кому-то пришлось отдать жизнь? И думать забыть о своем проступке?

Подбородок Аббата дрожал.

Не то чтобы он не думал о прошлом.

Но он не ожидал, что ему напомнят столь прямо. Указывать на ошибки тоже могут только сильные люди. А у горы Хуа не было сил противостоять Шаолинь.

Но этот парень излил свои мысли, разведя руки.

- Возвращайтесь.

- ...

- Мы не собираемся подчиняться Шаолинь. Гора Хуа последует своим собственным путем.

- У горы Хуа недостаточно сил для этого.

- Поживём – увидим.

Лицо Чхон Мёна вернулось к его обычному мрачному выражению. Он посмотрел на Хэ Ёна, сидевшего рядом с Аббатом.

- И завтра как раз предоставится прекрасная возможность.

Лицо Настоятеля дергалось от гнева, и он посмотрел на Хён Чжона.

- Являются ли высокомерные замечания этого ребенка позицией всей горы Хуа и лидера секты?

Хён Чжон улыбнулся, будто и сам был обеспокоен этим вопросом.

- Так и должно быть. Молодой, энергичный и импульсивный, но не сожалеющий о свершенном.

- Тогда...

Как только Настоятель собирался что-то сказать, Хён Чжон спросил.

- Но есть ли что-нибудь неправильное в словах ребенка?

- ...

Аббат растерялся от вопроса.

- Конечно, я тоже хочу остановить его. Если я сейчас склоню голову и забуду прошлое, мы так много сможем приобрести, кто откажется от такого предложения?

Хён Чжон грустно улыбнулся.

- Но, Аббат. Точно так же, как вы являетесь лидером секты Шаолинь, я лидер секты горы Хуа. И могу ли я, глава секты горы Хуа, сказать ему, чтобы он подавлял свое желание и следовал моей жадности?

- ...

- Гора Хуа является собой, именно благодаря ее ученикам. Независимо от того, вступим мы в Девять Великих Сект или нет, гора Хуа всегда останется горой Хуа. Важен боевой дух наших учеников. И гора Хуа следует за своими учениками.

Аббат закрыл глаза.

Говорить с этими людьми не имело смысла.

«Сплошное разочарование».

Он думал, что они извлекли урок из своей истории, но они были одержимы мелкими обидами прошлого и оттолкнули руку Шаолинь.

- ... Я понимаю суждения лидера секты.

Аббат встал без сожалений. И Хэ Ён, что молчал на протяжении всей дискуссии, поднялся следом.

Аббат обернулся.

- Что ж, хорошо. После финала мы поговорим снова.

- Аббат.

- До свидания.

И он вышел из комнаты.

Но в отличие от него, Хэ Ён смотрел на Чхон Мёна, и Чхон Мён это заметил.

- Что?

- ... ты.

Наконец Хэ Ён заговорил.

- Я не говорю, что вы неправы. У каждого свои мысли, и вправе их высказывать. Но.

Хэ Ён смотрел прямо.

- Нужно быть вежливым и внимательным, чтобы передать их смысл, таков адат*.(Закон, правило, требование)

- ... и так?

- Ты был груб и надменен. Так что завтра я немного подавлю твое высокомерие.

- Охо?

Ты провоцируешь меня, чтобы завтра тебя избили как собаку?

Чхон Мён посмотрел на Хэ Ёна. Юный монах не мог скрыть гнева на своем лице. Даже его глаза выражали враждебность.

Точно так же, как гора Хуа была важна для Чхон Мёна, Шаолинь был значим для него.

И поскольку уважаемый Настоятель Шаолинь был опозорен здесь учеником третьего поколения горы Хуа, это, должно быть, оказало сильное эмоциональное воздействие на Хэ Ёна.

Чхон Мён улыбнулся.

- Попробуй.

- Амитабха.

Хэ Ён сильно закусил губу и успокоился.

И зашагал к выходу.

- Тебе лучше хорошо подготовиться к завтрашнему бою.

Хэ Ён собирался уйти, бросив последнюю фразу, но его окликнул Чхон Мён.

- Эй.

Хэ Ён обернулся.

- Запомни эти слова.

- Какие слова?

- Что ты подавишь мое высокомерие.

- ...

- Я верну тебе их в той же манере.

Парень вышел, кусая губы.

Гости из Шаолинь ушли, и остались лишь двое, что изучали друг друга взглядами.

- ... что ж.

Чхон Мён взглянул на Хён Чжона и почесал затылок.

- Лидер секты, я...

- Все в порядке.

- Нет, это... я разозлился.

- Я ведь уже сказал, что все в порядке?

Хён Чжон ярко улыбнулся, останавливая Чхон Мёна от извинений.

- Чхон Мён.

- Да, лидер секты.

- Наблюдая за гибелью горы Хуа, я отчаянно нуждался в одном. Можешь догадаться в чем?

- ... Я не знаю.

- Чтобы исполнить волю, нужно иметь власть. Воля без силы не имеет ценности.

Чхон Мён молча кивнул головой.

Хён Чжон спросил его.

- Сможешь ли ты показать эту силу? Можешь ли ты объявить нашу волю всему миру и исполнить ее?

Чхон Мён улыбнулся.

- Таково мое призвание, я в этом лучший.

Увидев столь непоколебимую уверенность, Хён Чжон улыбнулся.

- Хорошо. Тогда все замечательно. Покажи всем. Гора Хуа не нуждается ни в чьей помощи.

- Да!

Хён Чжон поймал решительный взгляд Чхон Мёна и закрыл глаза.

«Чхон Мён».

Откуда взялась печаль в его сердце?

Где зародился его гнев?

Чем дольше он приглядывался к нему, тем больше понимал, что совсем ничего о нем не знает.

«Когда-нибудь он расскажет».

Однажды наступит момент, когда Чхон Мён поведаст о схороненной в нем печали.

Когда придет этот день.

Аромат сливы заблагоухает по горе Хуа еще ярче.

Он породит тоску и грустную улыбку.

<http://tl.rulate.ru/book/96839/2704497>